

Глава 27: Назови меня женой

После того, как обе стороны пришли к единому мнению о замужестве, двое детей развеяли свои сомнения, спустившись с горы рука об руку. Лу Жун привык угождать людям, но в этот раз он был еще милее и послушнее.

Шэнь Цзицзе слушал его наивные слова и думал про себя: "Мой диди очень милый."

Он втайне поправил: "Моя жена очень милая."

При одной мысли о слове "жена" он невольно покраснел.

Поскольку он был школьным отморозком, Шэнь Цзицзе в паре с девушкой из учебного комитета, занимались учебой. Девушка из учебного комитета была очень серьезна, каждый день заставляла его делать домашнее задание, и одноклассники подшучивали над ними, называя мужем и женой.

Из-за этого он также поссорился с двумя самыми агрессивными одноклассниками, с тех пор он классифицирует "жену", как слово, которое делает его несчастным.

Но теперь, когда Лу Жун был так счастлив и пел эту странную народную песню своими устами, он внезапно почувствовал, что слово "жена" неплохое.

По дороге Лу Жун сделал круглого олененка из ивовых веток и вручил его Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе сломал четыре маленькие палочки и положил мяч себе на ноги.

"Это называется табуретный олень,"— сказал он.

Лу Жун громко рассмеялся, как будто услышал самую смешную вещь, качаясь взад и вперед: "Табуретный олень, табуретный олень, ха-ха-ха."

Шэнь Цзицзе посмотрел вниз на его улыбающееся лицо, собираясь начать говорить ему о будущем, он сказал: "Жун-Жун, я вернусь обратно после каникул."

Услышав эти слова, смех Лу Жуна резко оборвался, его лицо внезапно стало ошеломленным и испуганным.

Шэнь Цзицзе поспешно сказал: "Но я приеду снова, не оставлю тебя или выброшу, понимаешь? Я приеду вскоре после зимних каникул, я приеду сам, даже если моего дяди тут не будет, я поеду повидаться с тобой на самолете или на поезде. Не только на зимние каникулы, но и в

будущем я буду приезжать к тебе каждый раз."

Увидев, что Лу Жун ошеломленно смотрит на него, Шэнь Цзицзе быстро взял его за руку, сначала сжал ее в кулак, а затем поднял белый палец Жун-Жуна: "Октябрь."

Поднял ещё один палец: "Ноябрь."

Он держал третий палец: "Я буду здесь после декабря, видишь, осталось всего три месяца."

Лу Жун посмотрел на руку, которую держали, а затем на Шэнь Цзицзе, в его больших глазах появились слезы.

Шэнь Цзицзе нервно уставился на водянистое сияние, затаив дыхание. Только когда красные глаза вернулись к своему первоначальному цвету, а капли исчезли, он вздохнул с облегчением.

"Ты приедешь через три месяца?" — Спросил Лу Жун, потирая нос.

"Да, через три месяца будут зимние каникулы."

Лу Жун опустил голову, немного подумал и, наконец, прошептал: "Тогда ладно."

Шэнь Цзицзе некоторое время успокаивал его, ожидая, пока ему станет лучше, прежде чем продолжить спуск с горы. Когда они подошли ко входу в деревню, он вдруг кое-что вспомнил и сказал: "Жун-Жун, давай сходим в деревенский магазин."

"Ты хочешь что-нибудь купить?" — спросил Лу Жун.

Шэнь Цзицзе неопределенно сказал: "Просто посмотреть."

Продовольственный магазин семьи Ли расположен в деревне на склоне горы, товары на простых полках видны из больших открытых окон.

Взгляд Шэнь Цзицзе задержался на ряду закусок, миновав Кан Шуайбо (1) и Вахаха (2), и спросил: "Босс, у вас здесь есть какие-нибудь вкусные конфеты?"

(Кан Шуайбо — это разновидность лапши от фирмы Кан Шифу. Вахаха — молочные напитки.)

Родители брали его с собой на свадьбу, больше всего он помнил, что на свадьбе обязательно должны быть конфеты, нельзя это пропустить. Он не хотел обидеть Лу Жуна. Даже если на свадьбе не было гостей, он должен был приготовить копию свадебных конфет. Что касается остального, подождем, пока не вырастим, потом наверстаем упущенное.

Лу Жун облокотился рядом с ним на стекло, пристально глядя на грудку закусок, его глаза загорелись, услышав эти слова, он быстро повернул голову, чтобы посмотреть на Шэнь Цзицзе.

"Вкусные конфеты? Да, да, да," — владелец магазина, сидящий под карнизом и ощипывающий пороссячью ножку, встал и вошел в дом, вытирая руки о фартук.

Он порылся на полках, достал изнутри пластиковый пакет и положил его на подоконник: "Это вкусный шоколад Dove."

"Шоколад, шоколад," — Лу Жун осторожно потянул Шэнь Цзицзе за одежду и сглотнул.

Дедушка Цай любит смотреть научно-популярные передачи по телевизору, поэтому он не разрешает ему есть конфеты. Он говорит, что есть слишком много сахара вредно, но он покупает их для него на Новый год и другие праздники.

Обычно, когда он просил у него конфеты, дедушка Цай хватал пакетик сырых красных фиников и давала ему: "Хороший мальчик, съешь это, это лучше, чем конфеты."

Шэнь Цзицзе спокойно взял Лу Жуна за руку, а другой рукой потянулся к пластиковому пакету, чтобы посмотреть на шоколад внутри.

"Dove.. Босс, это не Dove," — Шэнь Цзицзе взял шоколадку и узнал надпись на ней.

Владелец магазина беспечно сказал: "Это Dove."

"Видишь ли, здесь даже нет ни слова о птице..."

"Ты покупаешь или нет? Если не покупаешь, иди играй," — владелец магазина был нетерпелив, все еще помня о свиных ножках, которые недавно щупал.

Шэнь Цзицзе хотел отказаться, но когда он увидел, что Лу Жун уставился на пакет с шоколадом, он смог только спросить: "Сколько стоит?"

"Два юаня," — сказал владелец магазина.

"Тогда дай мне один."

Взяв шоколад, Шэнь Цзицзе спросил: "У тебя есть еще какие-нибудь конфеты?"

"Да, есть еще шоколад Голди и ириски Белый кролик."

"Принеси мне ириски Белый кролик, я посмотрю," — Шэнь Цзицзе не питал иллюзий по поводу шоколада Голди.

Большой пакет нераспечатанных ирисок Белый кролик был брошен на подоконник, и Шэнь Цзицзе поднял его, посмотрев на надпись.

Все в порядке, это не подделка.

"Босс, я хочу ириски."

"Сколько тебе нужно?" — Спросил владелец магазина.

Шэнь Цзицзе: "Я хочу весь этот пакет."

Шэнь Цзицзе достал купюру в сто юаней и протянул ее продавцу. Продавец взял деньги и спросил: "Вы хотите Вахаха и Макдоналдс?"

"Нет."

"KFC?"

"Не надо."

Шэнь Цзицзе взял пакетик с конфетами и очистил шоколадку Dove, протянув ее Лу Жуну.

После того, как Лу Жун взял его, он откусил маленький кусочек, прищурившись, сказал: "Это вкусно..."

Шэнь Цзицзе боялся, что с шоколадом какие-то проблемы, поэтому он сказал: "Отломи мне кусочек."

Под его пристальным взглядом Лу Жун сломал плитку вертикально, а затем немного горизонтально и протянул ее ему.

Шэнь Цзицзе не взял, он быстро опустил голову и откусил большой кусок от шоколада, который держали в другой руке.

Больше половины внезапно исчезло.

Лу Жун посмотрела на свой шоколад так, словно его ударила молния, его губы шевельнулись,

лицо стало печальным, но он не осмелился пискнуть.

"Почему ты такой скупой, а? Как можно быть таким? Ты даже не можешь дать мне еще шоколада," — Шэнь Цзицзе прожевал шоколад, протянул руку и покачал головой.

Шоколад действительно немного странно пах, но он все равно проглотил его на глазах у Лу Жуна.

Ему было немного грустно.

Он звал его "гэгэ" каждый день, казалось, что он не мог жить без него, но он не способен дать ему кусочек шоколада.

Однако в такой важный день он не хотел слишком расстраивать Лу Жуна, поэтому сунул пакетик с ирисками, который держал в руке, ему: "Не морщись, смотри, здесь еще есть конфеты."

Лу Жун обнял пакет с ирисками Белый кролик и нежно прикоснулся к нему рукой, расслабившись.

Они вдвоем шли домой по дороге, Лу Жуна больше не волновал шоколад, его рот был слаще, чем конфета, которую он ел.

"Гэгэ, ты такой добрый, что я могу сделать, когда мы вернемся домой?"

"Я уже скучаю по тебе, хотя ты ещё не уехал."

"Ты не приедешь до зимних каникул. Зимние каникулы так не скоро. Мне больно, когда я думаю об этом..."

Лица Шэнь Цзицзе не было видно, но в глубине души он был очень счастлив. Видя, что Лу Жун ест ириски, а его щеки надувались, как большой шарик, он изо всех сил старался продолжать говорить самому себе, но не смог удержаться и прошептал: "Назови меня мужем."

Лу Жун был немного удивлен: "Не гэгэ?"

Шэнь Цзицзе не посмотрел на него, бросил взгляд на лес сбоку и беспечно ответил: "Я и брат, и муж."

"Ух ты, ты и брат, и муж одновременно," — воскликнул Лу Жун.

Шэнь Цзицзе было немного стыдно, он притворился нетерпеливым: "Ты будешь меня так называть или нет?"

"Буду."

"Тогда скажи серьезно, сначала выплюнь конфеты."

"Не буду."

Лу Жун ускорил шаг и принялся жевать конфету, которая была у него во рту, Шэнь Цзицзе уставился на него. Лу Жун обычно ест очень медленно. В этот момент у него во рту оказалась большая конфета, его щеки выпячивались, затрудняя жевание. Шэнь Цзицзе проявил полное терпение, не торопился и спокойно ждал.

Когда конфета была наконец проглочен, Лу Жун открыл рот и сделал жест, чтобы позвать его. Шэнь Цзицзе слегка затаил дыхание, немного занервничав.

В результате, посмотрев на него две секунды, Лу Жун вдруг рассмеялся.

"Над чем ты смеешься?" — Шэнь Цзицзе был немного раздражен.

Лу Жун сказал: "Хахахаха, я думаю, это забавно, хахаха."

"Что здесь смешного?" — Шэнь Цзицзе опустил голову.

"Хахахахахаха..."

Шэнь Цзицзе, почувствовав, что это не закончится, схватился за лоб и сказал: "Забудь об этом, пойдем, не кричи."

В результате, сделав два шага, Лу Жун не последовал за ним. Как только он повернул голову, чтобы посмотреть, он увидел, что ребенок щурится и улыбается ему, сладко позвав: "Муж~"

Шэнь Цзицзе только почувствовал, как онемение поднялось от подошв его ног к небу и от неба к его телу. Он был в панике и чувствовал, что хочет услышать это еще раз.

Он кашлянул и сказал с красными ушами: "Это не займет много времени, скоро начнутся зимние каникулы, и твой муж снова приедет навестить тебя."

Лу Жун по-доброму сказала: "Мой муж такой добрый."

"Твой муж в следующий раз купит тебе настоящий Dove и все виды конфет."

Шэнь Цзицзе, как замужний человек, скорректировал свой менталитет, так что теперь мог называть себя мужем.

"Спасибо тебе, гэгэ-муж."

Они вдвоем вновь пошли к реке, окунули ноги в прохладную воду, глядя на летающих в лесу напротив птиц, дул ветерок.

Лу Жун положил голову на плечо Шэнь Цзицзе, протягивая руку, чтобы взять конфету из его рук. Когда он собирался снять конфетную обертку, Шэнь Цзицзе забрал ее вместе с большим пакетом, который он держал в руках.

"Сколько ты уже съел? Больше нельзя," — сказал Шэнь Цзицзе.

Лу Жун поднял голову и хотел воспользоваться замечательным методом нытья, но как только он открыл рот, Шэнь Цзицзе безжалостно перебил его: "Не используй этот трюк каждый раз, это бесполезно. Позволь мне сказать тебе, отныне ты можешь съесть только три штуки в день. Только что ты съел больше дюжины. Тебе все ещё нужны зубы?"

Лу Жун обычно находился под контролем бабушки, ему не разрешалось есть конфеты, поэтому он был послушен и больше не просил, но выглядел немного недовольный.

Шэнь Цзицзе отложил пакет с конфетами в сторону и сказал Лу Жуну, который опирался на его плечо: "Жун-Жун, спой мне песню."

Лу Жун фыркнул: "Не спою."

Шэнь Цзицзе знал, что он думает о пакетике конфет, поэтому начал уговаривать его: "Спой, спой, ты так хорошо поешь, просто спой в последний раз песню о поедании абрикосов."

"Кто ел абрикосы? Он стоял под абрикосовым деревом."

"Ах да, спой это."

Лу Жун закатил глаза и намеренно придрался: "Я не просто пою, я хочу спеть ее для своей жены."

Шэнь Цзицзе прошептала ему на ухо: "Разве ты не моя жена?"

Лу Жун внезапно поднял голову: "Когда я успел стать твоей женой?"

Шэнь Цзицзе объяснил: "Я твой муж, конечно же, ты моя жена."

Лу Жун на две секунды опешил, поняв, что так оно и есть, но все же неохотно сказал: "Я назвал тебя мужем, но ты даже не назвал меня женой."

Шэнь Цзицзе вздрогнул, откашлялся и через некоторое время открыл рот, но после двухсекундной паузы ему не удалось это произнести.

"Назови, назови меня женой," — Лу Жун посмотрел на него сияющими глазами, и на какое-то время позабыл, что подсчитывал стоимость пакетика.

Шэнь Цзицзе встретился с ним взглядом, с трудом открыл рот и долго что-то шептал с покрасневшимся лицом, но так и не смог произнести это вслух.

Лу Жун пристально посмотрел на него и медленно произнес: "Итак, давай, же-на, же-на..."

Шэнь Цзицзе был обескуражен, сказав: "Не учи меня, я знаю, как это читается."

Сказав это, он опустил взгляд на воду и легко и быстро выплюнул два слова: "Жена."

"Привет, муженек," — решительно ответил Лу Жун.

Шэнь Цзицзе улыбнулся, посмотрел на четыре ноги в воде и осторожно наступил на маленькую рядом с собой. Лу Жун ухмыльнулся и быстро отступил назад.

Они вдвоем играли, становясь все более энергичными, в конце концов намочили всю свою одежду, поэтому пришлось остановиться.

На тихом ветру Лу Жун, осторожно перебирая ногами воду, начал напевать народную песню.

"На горе Лунцюань абрикосовые цветы распускаются в марте.

Держа в руке веточки цветов, в надежде, что мой муж придет.

Птицы шумят в апреле, а цветы абрикоса становятся белыми в мае.

В июле цветы абрикосов покрывают горы, когда же придет муженек?"

...

Поначалу все было вполне нормально, Шэнь Цзицзе слушал его молочный голос в прохладе, думая, что это очень хорошо. В результате Лу Жун все больше и больше увлекался пением и снова начал грустить, сдерживая плач, поднимал мизинец и делал вид, что не в состоянии этого сделать.

Шэнь Цзицзе не выдержал и прервал его, удивленно указывая на лес напротив: "Смотри, что это?"

Лу Жун остановил представление и долго серьезно наблюдал: "Ничего, я ничего не вижу."

Шэнь Цзицзе глубоко вздохнул, поднял с земли пакет с конфетами, взял Лу Жуна за руку и сказал: "Ничего, ничего, может быть, у меня устали глаза, пойдем домой."

Когда они вдвоем вернулись домой, дедушка Цай готовил на кухне, только громко спрося: "Сяо Цзе голоден? Жун-Жун, быстро накрой на стол."

Шэнь Цзицзе пошел накрывать обеденный стол, а Лу Жун — прятать ириски.

Он не беспокоился о том, куда их положить, поэтому в конце концов запрятал их в шкаф, спрятав и положив три в карман своих шорт.

Подумав, он вернул две обратно, оставив только одну у себя.

Это конфеты, которые купил для него его муж. Он должен есть их медленно, сегодня ему разрешается съесть только еще одну.

Они втроем сели поесть под баньяновым деревом. Дед Цай улыбнулся и спросил: "Сяо Цзе, твой дядя прислал мне табак и алкоголь из дома?"

Шэнь Цзицзе кивнул: "Да."

"Ты живешь с дедушкой, но не знаешь, что дедушка терпеть не может табак и алкоголь."

Шэнь Цзицзе сказал: "Дедушка, не беспокойся о том, чтобы принять это. Моему дяде будет все равно. Он благодарит тебя. Если ты этого не примешь, ему будет неловко позволять мне жить здесь."

Дедушка Цай улыбнулся и сказал: "Если он не это имеет в виду, пусть даст мне две бутылки вина. Дедушка не курит и пьет только вино."

Шэнь Цзицзе сказал: "Я поговорю со своим дядей."

Дедушка Цай рассмеялась, давая ему овощей: "Хорошо, ешь больше."

Лу Жун прикусил палочки для еды, отвел глаза и сказал: "Дедушка, сливовое вино — это прекрасно."

Дед Цай пристально посмотрела на него: "Все, о чем ты думаешь — это сливовое вино, ешь свой рис."

Лу Жун обиженно посмотрел на Шэнь Цзицзе своими черно-белыми глазами.

Шэнь Цзицзе взглянул на него и отвел взгляд, продолжая безучастно есть рис.

О, что за боль в сердце? Я действительно хочу дать ему выпить все сливовое вино в мире.

Когда Шэнь Цзицзе впервые прибыл на гору Лунцюань, в глубине души он испытывал отвращение, теперь же он не был счастлив возвращаться в Пекин.

Каждый день они с женой брали Сяо Гао поиграть. Он знал, какое птичье гнездо нельзя опустошать, какой сосновый гриб лучше всего растет на склоне соснового леса, а местность вокруг деревни знакома ему лучше, чем его дяде Шэнь Яню.

Иногда, когда он отправлялся на строительную площадку, Шэнь Янь покупал много закусок для двоих детей, между прочим, спрашивая, Шэнь Цзицзе о выполнении его домашнего задания, тот же повторял одно и то же.

"Домашнее задание выполнено очень хорошо. Осталось всего несколько вопросов по математике, с китайским покончено. Каждый день я заранее просматриваю новые уроки, которые предстоит выучить в следующем семестре."

Шэнь Цзицзе всегда отвечал подобным образом, с невозмутимым выражением лица, как учитель в старших классах.

Когда Шэнь Янь был занят, они вдвоем сидели перед недавно достроенным зданием и тихо перешептывались.

"В этой комнате мы оба проснулись той ночью," — Шэнь Цзицзе указал Лу Жуну на оконное отверстие на третьем этаже.

Лу Жун посмотрел и кивнул в знак подтверждения: "Именно так."

Подумав о потерянном кусочке нефрита, Шэнь Цзицзе не удержался и спросил: "Почему бы нам не пойти в то здание и не взглянуть?"

Он знал, что, хотя здание, в которое он вошел той ночью, казалось таким же, как это, на самом деле оно отличалось, но, в конце концов, он все еще хотел поискать его.

А что, если? Что, если нефритовый кулон упал в том здании?

Лу Жун всегда преследовал его, он пойдет с Шэнь Цзицзе, куда тот скажет. Услышав его предложение, он согласился без колебаний.

В результате они вдвоем обыскали здание и ничего не нашли.

Лу Жун подергал носом и осторожно принюхался, не почувствовав никакого подозрительного запаха, тихо прошептал Шэнь Цзицзе: "В этом здании действительно ничего нет."

Шэнь Цзицзе меланхолично вздохнул: "Забудь об этом, если мы не можем найти это, значит не можем."

Шэнь Цзицзе мог объяснить это только тем, что все призраки были убиты им, так что это здание теперь безопасное. Как раз тогда, когда он сидел на цементной плите перед зданием, он подробно рассказал об этом Лу Жуну.

Лу Жун был полон энтузиазма. Когда Шэнь Цзицзе рассказывал о том, как бил железным прутком женщину-призрака в красном платье, тот говорил: "Ах, потрясающе". Выражение лица вполне подходило его состоянию, широко открытые круглые глаза, полные восхищения.

Шэнь Цзицзе подумал: "Моя жена всегда такая милая, когда я заканчиваю истории."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326856>